

Теории и исследования

Проблемы развития и бытия личности

Вадим Петровский

ПОНИМАНИЕ Я: ПО ТУ СТОРОНУ «ПОРОЧНОГО КРУГА»

Аннотация. Обсуждаются подходы к научному определению «Я» и характерные ошибки на этом пути (ошибка «*circulus in definiendo*» – круга в определении), предпосылки выхода из логических тупиков и феноменология Я как *causa sui* (причина себя). Дается авторская концепция Я, которая исходит из особого понимания природы ощущений (самопричинность сущего), представлений о «соощущениях» и рефлексии, выделения семиотического ядра «Я», различения и соотношения различных форм Я. Утверждается, что автопоэзис (самодвижение) Я есть условие развития личности как единомножия Я. Рассмотрены также некоторые эмпирические формы проявления самопричинности Я.

Ключевые слова: Я; *circulus in definiendo*; ощущение; соощущение; рефлексия; дейксисы; автопоэзис; *causa sui*; Я как таковое; экзистенциальное Я; феноменальное Я; когитальное; ноуменальное Я.

Abstract. Approaches to scientific definition of “Self”, typical mistakes (mistake «*circulus in definiendo*» - circle in definition), premises for breaking logical impasses and phenomenology of “Self” as *causa sui* are discussed. The author’s conception of “Self”, based on specific understanding of feelings’ nature (self-causality of being), notions about “co-feeling” and reflection, separation of semiotic core of “Self”, discrimination and correlation of different forms of “Self” is proposed. Autopoiesis (self-motion) is contended to be a condition for person’s development as unisets of Self. Several empiric forms of self-causality of Self’s manifestations) are examined as well.

Keywords: Self, *circulus in definiendo*, feeling, co-feeling, reflection, deixis, autopoiesis, *causa sui*, Self as it is, existensial, phenomenal Self, cogital Self, noumenal Self.

Сложность познания
«Я»

Метафорически познание «Я» – это обруч: с чего не начни, по кругу придешь к тому же. И, таким образом, отвечая на вопрос: «Что есть “Я”», мы рискуем бесконечно вращаться в кругу тавтологий. Проблема усугубляется тем, что перед нами не просто обруч, но обруч в руках у фокусника: два круга – в одном, что замечаешь не сразу. Один из них – логический круг, другой – бытийный. Фокус факира состоит в том, что первоначально мы не видим, что это два разных круга, слитые воедино. За первым – логическим – кругом, представляющим собой типичную ошибку «*circulus in definiendo*» (круга в определении), показывается второй круг, где Я обнаруживает себя в своей истине, будучи *causa sui* (причиной себя). Понять Я как движущееся, раскрывающее себя целое, в противовес видимости его осмысления, основанного на весьма типичной, но порой незаметной ошибке, такова *цель настоящей работы*.

1. Идея Я

Порочный
логический круг

Пытаясь дать дефиницию «Я», исследователи упускают из виду тот факт, что привлекаемые для определения термины, в свою очередь, сами на него опираются. Перед нами типичная ошибка «*circulus in definiendo*» (круг в определении), которая на «компьютерном языке» обозначается как «ссылка на саму себя».

К примеру, читаем: «Я – фундаментальная категория философских концепций личности, выражающая рефлексивно осознанную самотождественность индивида» [1] (подразумевается «кто-то», кто рефлектирует; правомерен вопрос: не «я» ли?). Примеры прямого и косвенного использования «я» в определении Я неисчислимы. Назовем лишь некоторые: «самосознание», «самооценка», «самоуважение», «субъективные представления человека о себе» etc (см. обзор существующих определений Я в широкой по охвату и интересной по содержащимся в ней идеям книге А.В. Карпова [2, с. 131 – 151]). Дефиниции Я опираются на представления индивида о себе: речь идет о том, что есть *во мне*, *у меня*, *каков я для себя* и т.д. и т.п. В этих определениях перед нами индивид, который воспринимает, переживает, действует, реализуя свою субъектность (то есть «я»). Иными словами, определение Я само в свою очередь опирается на «я», что и составляет суть «порочного круга».

Круг *causa sui*

Признаем: как ни пытайся, нельзя описать, а тем более определить «Я», отделяя его от имени «я». Здесь

есть своего рода «лингвистический круг»: ведь то, о чем говорится (*Я*), не просто *называется* «я», но содержит в себе это название; перед нами тот, совершенно особый случай, когда *объект* имени, то есть *Я*, включает в себя *имя* объекта (звучащее слово «*я*»). Судя по всему, сама природа *Я* провоцирует «ошибку», подобную кругу в определении, но при этом не тождественную ему.

Чтобы пояснить сказанное, выберем совершенно нетрадиционный путь. Будем идти не от определяемого термина к его содержанию, а обратным путем: от содержания к слову (так, как это бывает при разгадывании загадок). Перечислим вразброс несколько характеристик искомого понятия, не называя его по имени*. Ознакомимся с таким списком: «ощущение существования в мире»; «общее чувство присутствия»; «скрытый источник активности»; «средоточие чувств, импульсов, представлений, мыслей»; «место, где находятся восприятия, воспоминания, фантазии»; «переживание» и т.д.

Добавим сюда слова-причастия: «ощущающее», «чувствующее», «побуждающее», «движущее», «представляющее», «мыслящее», «переживающее». Мысленно присоединим к словам в этом списке слова «существо», «нечто»...

Вопросы: *что всё это может означать? какое слово задумано?*

Казалось бы, легко догадаться, что речь идет о «*Я*» (то есть о «ком-то», кто ощущает, воспринимает, помнит, фантазирует, полнится импульсами, чувствует свое присутствие в мире и т.д. и т.п.). «Легко догадаться» – это если знать заранее. Но если – не знать?

Тогда, согласимся, всё перечисленное мы могли бы отнести не только к *Я*. Так, например, можно ощущать присутствие в мире многих других вещей (будь то цветок, ветер или звезда). Скрытый источник активности – это, например, вулкан или динамо-машина. Кроме того, согласимся, что некоторые чувства, импульсы, представления, присущие индивиду, могут быть совершенно бессознательны, находясь за пределами его *Я*.

Таким образом, для разгадки, пожалуй, не хватает какого-то одного или, может быть, нескольких слов, ведущих к решению.

Думается, сам читатель может подсказать такие слова. Они как бы сами собой напрашиваются. Это слова «мое», «свое», «во мне», «внутри меня» и др. Сравните:

* Читатель-то уже знает, о чем идет речь, но, допустим, он принял условия игры, и пытается подобрать нужное слово.

Ощущение своего
существования
в мире

«ощущение *своего* существования в мире», «скрытый *во мне* источник», «место *внутри меня* (где находятся чувства, импульсы, представления)» и т.д.*

Итак мы видим, что, пытаясь определить «Я», мы не можем найти нужного решения минуя слова и частицы, свободные от связи с «Я»; кружим вокруг да около, но «Я» так и остается неопознанным. Создается впечатление, что *слово* «я» (в одежке других слов или частиц) неотчуждаемо от определяемого понятия Я, что оно как бы встроено в понятие, обозначаемое им.

Ощущение «странности» ситуации усиливается, когда мы встречаемся с дефинициями Я, где фигурируют такие слова, как «индивидуальность», «самость», «личность», «субъект», «самосознание», очевидно, связанные с Я вербальными скрепами; при этом само «Я», в гуще подменяющих его синонимов-переименований, ни в коей мере не раскрывает нам своей природы. Будем считать, однако, что перед нами не намеренное, а совершенное бессознательное игнорирование проблемы; и наша цель, в отношении этих «кругов», – вывести их на чистую воду и показать, как при этом не выплеснуть суть.

Никакие уловки
здесь не помогут

Еще раз заметим: никакие уловки не помогут исследователю отделить Я от имени «я». Личные и притяжательные местоимения, частица «-ся» и другие лингвистические элементы (назовем их «я-маркерами») – не только грани стороннего (предлагаемого исследователем) определения Я. Они суть части того, что обозначено ими: нет и не может быть «Я» вне присутствия в нем личных местоимений, звучащих как «я», «ты», притяжательных местоимений «мое», «твое», «свое», «себя» (а также, при внимательном рассмотрении, местоимений «он», «она», «его», «её», и еще – «мы», «наше», «нам», «им», «ими» и т.д. и т.п.), возвратной частицы «-ся» и таких окончаний, как «-у», «-им» («слежу», «смотрим» и т.д.). Эти слова и частицы слов входят в самую чувственную ткань Я и поэтому неотчуждаемы от него.

Но если так, то процесс вербального определения «Я» есть процесс *самоопределения*, в котором эти словесные элементы являются частью определяемого термина. И таким образом, в процессуальном плане,

* Казалось бы, сказав «средоточие переживаний», мы прямой наводкой попадаем в цель, в самое сердце Я, но тут надо было бы добавить, что речь идет о «моих переживаниях», коль скоро мы отличаем мое Я от твоего Я (его/её Я); но в таком случае проблема определения «Я», очевидно, оказалась бы сдвинутой, но нерешенной.

определение «Я» может быть описано в терминах *автопоэзиса**.

Нелишне подчеркнуть, что каждый из этих строительных «я-маркеров» – это еще не «всё Я», подобно тому, как любой камень в постройке не есть еще само здание. Следовательно, первоначально мы не нуждаемся в полном Я для описания его строительных элементов. Только *потом*, когда строение здания близится к завершению, мы будем говорить о них как частях этого здания.

Семиотический
контур Я

Наш тезис состоит в том, что «я-маркеры» или, как мы будем говорить в дальнейшем, *внутренние имена Я*, образуют неотчуждаемый *семиотический контур* (гибкий каркас, лингвистический остов) Я. Перед нами то, что в лингвистике называют *дейксисами* (от греч. «указание»). Это – языковые выражения и другие знаки, которые могут быть проинтерпретированы лишь при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта (его участникам, его месту и времени). Соответствующие вербальные средства именуются *дейктическими выражениями* или *элементами***.

Семиотический контур, образованный персональными дейксисами, обладает, как мы полагаем, совершенно особым онтологическим статусом. Мы считаем, что это и есть исходное «место» существования Я. Иными словами, предполагается, что указанная языковая конструкция служит опорой и стяжкой для всех форм Я. Например, говоря «Я мыслю», мы соотносим семиотический контур Я и факт существования самой мысли, и таким образом «когитальное Я» представляет собой контент этого «места»***. Наслаждение и страдание, ощущение активности (чувственное «живое движение»), намерения и побуждения к действию, эмоции,

* Термин, означающий самопостроение, самовоспроизводство живых существ, в том числе человека, которые отличаются тем, что их организация порождает в качестве продукта их самих без разделения на производителя и продукт [3].

** Обычно различается три основных вида дейксиса – персональный (личный), пространственный и временной. Центральные языковые единицы, соответствующие этим трем типам, – это, соответственно, местоимения 1 и 2 лица (я, вы), локативные (здесь) и временные (сейчас) выражения. Эти три типа единиц соответствуют эгоцентрическому дейктическому центру, на который ориентируются участники коммуникативного акта. Дейктические элементы могут представлять собой отдельные лексемы, а могут быть связанными аффиксами в составе других слов [4].

*** Однако, вопреки Картезию, сомнительно, что «мыслить» подразумевает «существовать в качестве Я» (см. [5], [6], [7], [8]).

настроения и т.п., как принадлежность Я, являются содержанием различных форм Я, и их присутствие в целостном Я подразумевает «контакт» с базисной формой – соотнесенность с нею.

Наличие семиотического контура, образуемого я-маркерами, позволяет ответить на вековечный вопрос о том, что представляет собой постоянный состав Я (о нем говорят: «субстанциональное Я», «трансцендентальное Я», «духовное Я», «Ichheit» – «Яйность» и др.) и каким образом эта константа соотносится с разнообразными преходящими содержаниями Я.

Итак, наш тезис состоит в том, что сущностное (исходное, определяющее) содержание «Я» характеризуется ощущением общности всех соощущений (перцептов), презентующих персональные дейксисы. К ним относятся личные и возвратные местоимения «я», «ты», «он (а)», «они», «мы», «свое», «твое», личное окончание (например, «у» в слове пишу), частицы –ся, образующие внутренне связное целое (замкнутый контур)**.

Заявленный тезис нуждается в пояснении и обосновании. Здесь необходимо установить смысл ряда знакомых понятий, а также ввести новые.

* Заметим, что перечисленные имена «Я» существенно проще «того самого» искомого Я, которое мы пытаемся определить и осмыслить. В конце концов, это не более чем множество значков (фигурки, стрелочки), породненных ощущениями связи между ними (тождества, различия, переходы) – живой чертеж, способный ориентировать (опосредовать) активность того, в ком этот чертеж присутствует (см. подробнее [7], [9], [10]). Сомнительно, чтобы кому-нибудь пришло в голову, что этот живой чертеж есть «орган» (или, положим, спрятанный где-то в теле индивида «субъект», «гомункулус»), воспринимающий, действующий, переживающий. Однако эта знаковая форма, предсуществующая индивидуальному Я, была сформирована исторически, – ее появлению предшествовал культурогенез. За этот счет она «восприимчива» к «бессубъектным» потокам активности – являя собой, таким образом, форму потенциальной субъектности. В терминах «фильтров» можно было бы сказать, что индивидуальные фильтры (конфигурация «дырочек на перфокарте»), образующие прообраз Я, уже отфильтрованы культурой. И следовательно, мы можем видеть, как в индивидуальном генезе Я свершаются долгожданные встречи «живого движения» (бессубъектная активность) и идеальной субъектной формы (представленной знаковым прообразом Я). Так оформляется то, что мы называем самопричинностью Я. И мы можем, таким образом, проследить, как «Я-в-будущем» (идея Я, результат судьбоносной «встречи») приобретает форму состоявшегося события, воплощаясь в «Я-наличное» (обратим внимание на необычный порядок времен: будущее, прошлое, настоящее).

Ощущение:
два капкана

Каждый исследователь, стремящийся определить «ощущение», рискует угодить в два капкана. Первый – опереться на конструкт «отражения», понимая под ощущением «отражение» чего-то *по ту сторону* самого ощущения. Почему речь идет о капкане? Мы исходим из лексического значения термина «отражать» (именно лексического, а не из непомерно раздутого до неузнаваемости философского толкования слова). Отражение подразумевает *подобие*: след, копия, «изображение предмета на гладкой и воспринимающей свет поверхности». И в этой связи возникает один вопрос, а точнее много сходных вопросов: чему вне боли можно уподобить саму боль? чему вне красного можно уподобить красное? чему вне радости можно уподобить радость? и т.п. Наши ощущения (в отличие, скажем, от образов восприятия) не уподобимы ничему вовне. Ощущения не являются отражениями чего-то внешнего.

Другой капкан – определять «ощущение», опираясь на Я. Ощущение, говорят, это то, что дано «мне», представляют собой то, что непосредственно «дано» моему Я. Но тогда возникает вопрос о том, что же представляют собой *те* ощущения *из* которых строится Я и которые, очевидно, *предсуществуют* Я, то есть существуют *прежде*, чем Я «заполучит» их в данности? Чем являются ощущения, для которых Я, как преемник, еще не созрело? Необходимо, очевидно, сначала определиться с ощущениями, а потом, если потребуется, разобраться с вопросом об их принадлежности Я!

Ощущение –
полнота
самопричинности
сущего

Что же такое *ощущение*? Отвечая на этот вопрос, мы исходим из аристотелевского различения материальной причины («что из чего»), формальной причины («что в чем»), действующей причины («что посредством чего») и целевой причины («что для чего»).

Далее мы опираемся на допущение о том, что каждая из этих причин – *самопричинна* (то есть, что она состоит из себя, содержится в себе, производит себя, служит себе). Более того, все эти причины сходятся в одну причину себя (это означает: «что из чего», «что в чем», «что посредством чего» и «что для чего» суть *одно*). В этом случае можно говорить не просто о самопричинности, а о всесторонности (полноте) самопричинности.

В порядке сравнения. То, что мы подразумеваем под «физическими объектами», отличается от ощущений, как минимум, в одном отношении: ни один такой объект не является для себя целевой причиной (не обладает

«для-себя-бытием»). Очевидно также, что физические *тела* не состоят из самих себя (молекулы, образующие их, разложимы на атомы, которые обладают иными свойствами, чем они сами; атомы, далее, – на более мелкие, чем они, единицы, с другим набором свойств и т.п.). По-видимому, только физическое *поле*, при определенных допущениях, может быть описано как «состоящее из себя» и «содержащееся в себе»; мы также воздержались бы утверждать, что физическое поле «исполнено собой» и уж точно далеки от мысли, будто оно являет себя «для себя».

Между тем, любое ощущаемое (будь то «красное», «соленое», «шероховатое», «боль», «голод» и т.п.) в наших терминах, суть полная причина себя, так как в качестве ощущения сочетает в себе материальную, формальную, действующую и целевую самопричинность, образуя материю, форму, действие и смысл своего бытия.

Итак, *ощущение* есть особое сущее, характеризующееся полнотой самопричинности.

Ничейные
ощущения

Важно подчеркнуть: исторически (в филогенезе, онтогенезе, актуалгенезе *Я*), ощущения суть то, что существуют до и независимо от *Я* – это *ничьи* ощущения. Ведь только при этом условии можно мыслить *Я* как сотканное из ощущений, основанное на них. Можно различать *Я-релевантные* (*Я* и *не-Я*) и *Я-иррелевантные ощущения* (ощущения, свободные от связи с *Я*, – не внешние и не внутренние, не «мои» и притом не «чужие»). Из этого, в частности, следует возможность порождения и параллельного существования множества *Я* одного человека (альтер-личности Билли Миллигана), а также – единомножие разных *Я*, образующих цельную личность в норме*.

Со-бытие
ощущаемых-
ощущений

Следует пояснить значение введенных только что терминов и, в частности, использование дефиса в каждом из них. Впрочем, думается, что содержащее дефис слово «со-бытие» не содержит в себе новизны для читателя и не нуждается в дополнительных комментариях. Но этого не скажешь о дефисе в словосочетании «ощущаемое-ощущение». Данный знак используется для того, чтобы выразить идею неразличимости ощущаемого и ощущения. Объяснение этому было

* Таковы «субличности» в теории Р. Ассаджиоли, «интроекты» З. Фрейда, эго-состояния П. Федерна и Э. Берна, инобытийствующие в личности «отраженные субъекты», обладающие, по-видимому, свойствами «динамического бессознательного» (см. [11]).

приведено чуть выше: мы установили что, ощущение есть способ существования сущего (ощущаемого) в его равенстве себе самому*.

Теперь мы подготовлены к тому, чтобы соединить «со-бытие» и «ощущаемое-ощущение». Речь, очевидно, должна идти о временной или постоянной *сопричастности* ощущаемых (а следовательно и ощущений) друг другу. Вместо того, чтобы где-то «за» (или «под») ощущениями искать «что-то» (таинственную сущность), якобы отраженную в ощущениях или, положим, «несущую на себе» ощущения, мы принимаем, что *ощущаемые-ощущения сочетаются друг с другом, выступая совместно*; и в виду этого не бывает и не может быть каких-либо парящих в пустоте изолированных ощущений (в терминах Э. Маха, мы бы сказали, что зрительные, аудиальные, кинестетические и другие ощущения образуют «комплексы», иногда более устойчивые, иногда – менее). Любое ощущаемое-ощущение как бы соприкасается с другим. Так, не бывает «просто зеленого»: оно всегда очерчено некой формой, сочетается с запахом, если это *зеленое* травы, граничит с желтым и красным, если это *зеленое* национального флага и т.д. и т.п.. Какого-либо прообраза или субстрата «зеленого» как ощущения, отличного от «зеленого» как ощущаемого, не существует. Точно также как боль не имеет ни своего субстрата, ни своего прообраза, отличных от самой боли.

Рефлексия

Даем весьма простое (автор шутит!) определение рефлексии. Она определяется нами как ощущение со-бытия ощущаемых. Принимаем допущение, что со-бытие ощущаемых порождает ощущение со-бытия. Можно показать, что это допущение является главным в понимании автопоэзиса Я как самодинамики: оно характеризует центральный механизм вовлечения всё расширяющегося круга потенциальных ощущаемых в субъективную сферу, – механизм амплификации (обогащения) Я посредством выхода за пределы того, что дано.

Соощущение ощущений

Если принять во внимание, что со-бытие ощущаемых-ощущений представляет собой особое сущее, то вполне правомерно ввести новое понятие: «соощущение ощущений». Примером может служить ощущение контраста, а также ощущения «больше – меньше», «над – под», «впереди», «вместе», «сходство», «разли-

* Считаем нелишним напомнить: будучи ощущением, ощущаемое составляет *себя* (=сливается с собой), содержится *в себе* (=принадлежит себе), воплощается *в себе* (=полагает себя), длится *в себе* (=продолжает себя).

чие» и т.д. и т.п. Все это – соощущения. Соощущение двух или большего числа ощущений образует новое ощущение, не сводимое к своим образующим, подобно тому как свойства химического соединения не сводятся к свойствам образующих его элементов. В сфере соощущений могут быть выделены чувства: «сгусток» единовременных разнородных ощущений и – переживания: ощущение того же самого ощущений как существа, то есть самоощущение; выделяем также пространственные («конфигурация») и темпоральные («длительность») соощущения.

Внутреннее имя

Мы определяем *внутреннее имя* чего-либо как знак, означающее которого принадлежит означаемому (и с этой точки зрения, внутреннее имя – это «знак себя»). Можно было бы сказать, что речь идет об имманентности имени*. Внутреннее имя, таким образом, представляет собой единство трех вариантов знака в трактовке Пирса – знака-икона (изобразительный знаки, в котором означаемое и означающее связаны между собой по подобию), знака-индекса (в котором означаемое и означающее связаны между собой по расположенности во времени и/или в пространстве) и знака-символа (в котором означаемое и означающее связаны между собой в рамках некоторой конвенции). С этой точки зрения любой «я-маркер» – внутреннее имя Я.

Семиотический контур Я – он безличен

Теперь можно определить семиотический контур Я. Это – *соощущение всех внутренних имен Я* («я», «мое», «твое», «его», «наше» etc), образующих особую систему, каждый элемент которой определяется сочетанием некоторых других элементов этой системы. Например, справедливы равенства: моё “я” для меня = моё “ты” для тебя = моё “он” для него и т.п. В семиотическом контуре Я каждое имя может быть замещено сочетанием других имен Я, и это замещение есть соощущение тождества элемента и композиции других элементов. Несколько «странноватые» равенства могут быть проиллюстрированы многими примерами из художественной литературы. Таков, например, знаменитый рассказ «Буква “Ты”» и мн. др.**.

* В классической трактовке «имманентность» означает неотъемлемость, внутреннюю связь какого-либо качества объекта с самим объектом.

** По М. Жванецкому разница между интеллигентным и обычным человеком в следующем. Простой человек говорит: «Вот сволочь! Что ты делаешь!» Интеллигентный: «Вот сволочь, что он делает!». В данном примере «ты» и «он» абсолютно противостоят друг другу, что может рассматриваться как комическая иллюстрация нашего тезиса «наоборот».

Семиотический контур *Я* абсолютно безличен и объективно присущ каждому индивидууму. Именно с этой точки зрения, его можно мыслить как первое (наиболее абстрактное) формообразование *Я*, с которого начинается восхождение к более конкретным, богатым своими определениями формам существования *Я**.

Перечислим преемственные формы *Я*, каждая из которых являет собой момент автопоэзиса *Я* и вместе с тем шаг в развитии личности как «единомножия *Я*» [10]**. Из них первая – «лингвистическая» – форма *Я* представляет собой старт восхождения (см. рисунок):

Ноуменальное *Я*

Я-номен (Я как таковое) – личное местоимение первого лица («я») в соощущении тождества позиций адресанта, адресата и предмета коммуникативного акта; соощущение всех имен *Я*, соопределяющих друг друга. Ощущения, образующие эти имена, составляют «плоть и кровь» задействованных в коммуникации имен *Я*, они «локализованы» в интериндивидуальном пространстве – пространстве «между» индивидами. За этот счет «*Я* как таковое» может рассматриваться не только в качестве исходного, но также и конечного пункта автопоэзиса, «восхождения» к целостному *Я*. Перед нами ощущение тождества позиций *адресант (говорящий, = источник сообщения, «от кого»)*, *адресат (слушающий, = получатель сообщения, «кому»)* и *объект коммуникации (потенциальный участник коммуникации, интенционал сообщения, тот «о ком»)*. Введем обобщенное обозначение «*Я*» (прописная буква курсивом) в роли замещающего символа при подстановке личного местоимения первого лица «я» в позицию «ты» и «он», а также – в соответствующие притяжательные местоимения.

* В логическом плане, перед нами не что иное, как *субъект-предикативная* конструкция: *S есть P*. Субъектом суждения (*S*) являются ощущения и сложные композиции ощущений (будь то сильная боль или чувство благополучия, представление будущего или устремленность к нему и т.д. и т.п.), а предикатом (*P*) – лингвистическое *Я*; связка *есть* в этой конструкции представляет собой соощущение общности *S* и *P*.

** Выпадение тех или иных звеньев этого круга позволяет интерпретировать личностные акцентуации, дезадаптации, защитные механизмы личности: бездействие, уход в «дурную бесконечность» «самоиска» (поэт А.В. Вознесенский предложил перевертыш «аксиома самопоиска», точно выражающий наивное убеждение в том, что можно «доискаться» до своих истоков в воронке саморефлексии), регрессии к фрейдскому «океаническому» *Я* («остановка» развития на ступени «экзистенциального *Я*»); избыточное самодистанцирование при утрате «*Я*-чувства» и смежные расстройства (при нарушениях в системе феноменального *Я*); измененные состояния сознания при нарушении *Я*-когито.

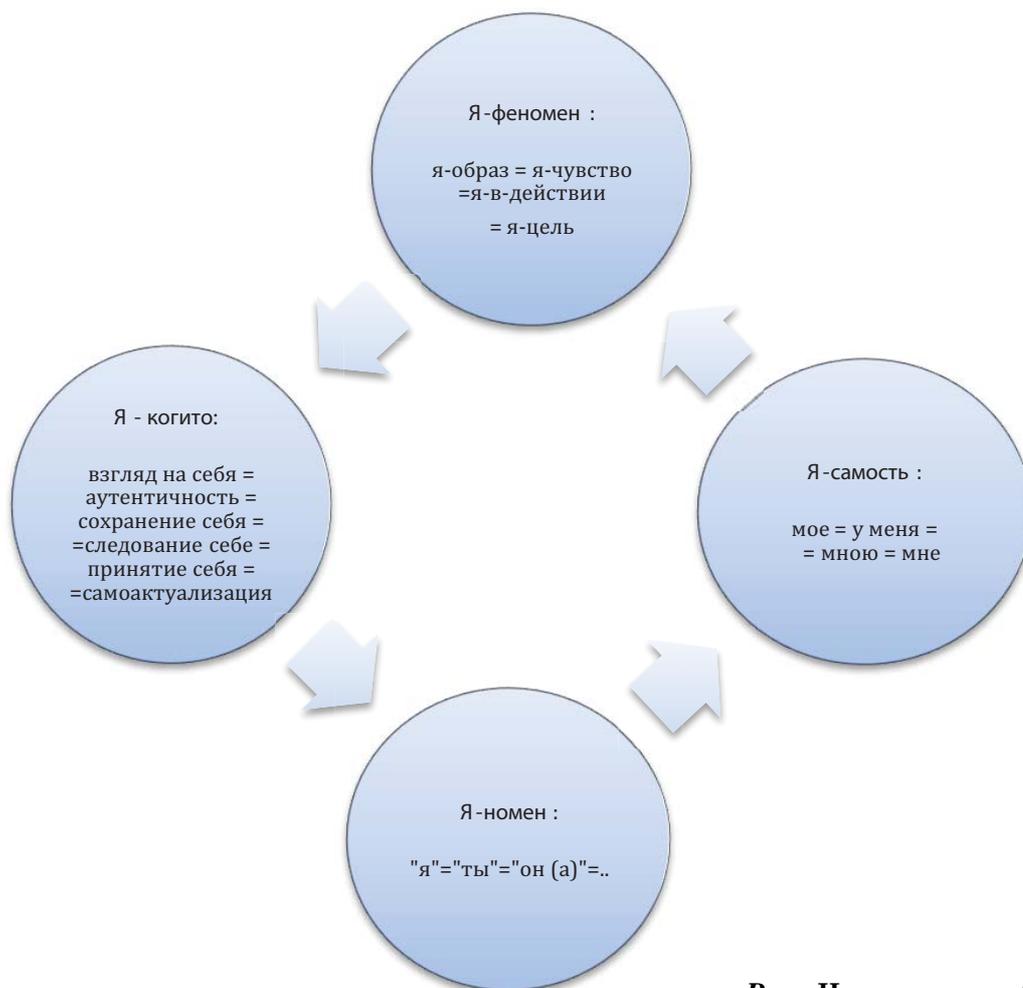

Рис. Ноуменальное Я

меня и частицы. *Я* присутствует изначально в каждом и «между» индивидуумами. Уместно говорить о *Я* как *Я-номене* (не путать с *Я-ноуменом!*).

Следует особо подчеркнуть: для того, чтобы *ощущать Я*, не нужно прибегать к образу «маленького человечка в голове», или гомункулуса, который «рассматривает» картинки, поступающие извне, инициирует действие, переживает (вторично, третично и т.д. «переживая») одну и ту же эмоцию. Чтобы *ощущать Я*, более чем достаточно соощущения общности ощущений, характеризующих произнесение и одновременно слушание слова «я» [ja], указательные жесты «к» (чему-то), «от» (чего-то), «о» (чем-то), «вот» (что-то), а также – частичное восприятие или представление говорящего в разных позициях коммуникации и ощущение тождества его бытия в этих позициях.

Я-номен (в нашем обозначении «*Я*»), по-видимому, и есть то самое искомое «центральное *Я*», будоражащее умы философов со времен Юма: его «маленький человечек»-наблюдатель в голове навлек на голову мыслителей

неразрешимую проблему «человечков» второго, третьего и т.д. порядков, наблюдающих за наблюдателем. Уж если с чем-то и сравнивать «центральное Я», то это, скорее, некое навигационное устройство, показывающее, где пребывает оно само, – где находится источник сигналов, который может быть запеленгован другими и таким образом «рассекречен» ими как находящийся «там-то».

Экзистенциальное Я

Я-самость (экзистенциальное Я) – соощущение всех ощущений, соотнесенных с Я (всех сопричастных ему ощущений – проприоцептивных, интероцептивных и экстероцептивных, а также образов, интенций, побуждений, смыслов, настроений, состояний и т.п.), сливающихся в общее переживание *присутствия* в мире.

В этом определении (экзистенция в соотнесении с «лингвистическим» Я) – продолжение автопоэзиса Я. Поскольку перед нами соощущение *всех* ощущений, связанных с Я мостиками переходов, то в этом парадоксальном «множестве всех множеств ощущений» присутствуют не только Я, но и ощущения, образующие только что приведенную дефиницию «Я», а также все слова, надстраивающиеся над нею *сейчас*, – в том числе и *эти*, говоримые нами, и *те*, что будут сказаны нами потом... (нескончаемая *ing*-овая форма длящегося настоящего!). Но в этом *длящемся* настоящем есть *настоящее Я*, характеризующееся *постоянством* (сквозь-временным характером) своих черт.

Мы выделяем четыре ипостаси экзистенциального Я: неделимость себя, данность себе, раскрытие себя и нацеленность на себя (в соответствии с вышеприведенным пониманием ощущения). Следующая, более развитая форма Я, вбирает в себя эти свойства присутствия в мире.

Феноменальное Я

Любое ощущение может фигурировать в статусе ощущаемого, и, таким образом, повторно проявлять себя в качестве ощущения (в наших терминах, напомним, это «самоощущение», «переживание»). Сказанное, конечно, относится и к соощущениям. Таким образом от самости, мы переходим к новой целостности: *самости, данной себе в ощущениях, – феноменальному Я*. Оно представлено *единомножием* четырех ипостасей самости:

– *Я-самоцельность* (чувствование себя = я-чувство): неделимость себя, слитность с собой, ощущение преемственности и непрерывности самости в переходах «ощущение → самоощущение»; ощущение «"я сейчас" как продолжение "я только что"»;

– *Я-самоданность* (созерцание себя = я-образ): данность себе, ощущение самопринадлежности: «я у себя»;

– *Я-самораскрытие* (полагание себя = я-в-действии): самовыражение, ощущения: «вот мое я!», «я, каков я, есть перед собой»;

– *Я-самоценность* (устремленность к себе = я-цель); обращенность к себе, приверженность себе: «я есть для себя» = «я есть, для себя», от слова «длиться», то есть существую за счет того, что *продлеваю* себя.

Заметим, что четыре ипостаси самости в составе феноменального Я еще не раскрывают нам характера существующих связей между собой. Но если принять, что со-бытие ощущаемых порождает их соощущение, то из нашего допущения следует многообразие форм ощущаемых связей между разными проявлениями самости, что относится уже к следующей форме Я.

Я-когито
(самосознание)

Феноменальное Я в рефлексии своих ипостасей. Феноменальное Я обогащает нас новыми определениями, расширяющими спектр признаков Я как такового. Упомянем некоторые варианты соощущений, образующих рефлексивное Я:

Чувствование себя и созерцание себя. «В норме» они соощущаемы, рефлексирюясь как «*собственный взгляд на себя*», «*точка зрения, с которой я вижу себя*».

В случае, если чувство себя и образ себя не в единстве друг с другом, не образуют общего ощущения, то возникает чувство «я не вижу себя», «я себя потерял», «что со мной?», или – «я не могу выразить то, что в действительности чувствую». Это значит, что в данном отношении когитальное Я не состоялось.

Чувствование себя и полагание себя; в своей совместности они рефлексирюются как *аутентичность*.

Чувствование себя и устремленность к себе; их со-бытие рефлексирюется как *сохранение себя* (ведь глубокий смысл моих устремлений – продолжать чувствовать себя собой).

Созерцание себя и полагание себя; совместность двух переживаний рефлексирюется как *следование себе* («На том стою...» (М.Лютер); «И нужно не единой долькой // Не отступаться от лица...» (Б.Пастернак)).

Созерцание себя и устремленность к себе; их со-бытие рефлексирюется как *принятие себя*.

Устремленность к себе и полагание себя; совместность их бытия рефлексирюется как *самоактуализация* (сокровенные смыслы обнаруживают себя во вне).

Всё это – разные формы Я-когито. В культуре они мозаично представлены россыпью имен-символов. «Мы часто встречаем выражения, свидетельствующие если и не об отсутствии, то о размытости границ между познани-

ем, чувством и волей: логика сердца; действие и страсть – одно; чувствующий ум; умное делание; единство аффекта и интеллекта; умные эмоции; эмоциональный интеллект; идея, становящаяся аффектом; проведение ума в сердце; союз ума и фурий (рождающий ублюдков); живописное соображение; визуальное мышление; зрячих пальцев стыд; от действия к мысли; ручные понятия; память – ищущий себя интеллект; живое движение – ищущий себя смысл; духовная жажда; голодный ум и т.д. и т.п. Подобные речевые миксты (монстры) должны были бы заставить усомниться в существовании чистых культур, но как схватить целое, если пренебрегли душой?» [11].

Схватить целое:
чистое Я

Вопрос и в самом деле заключается в том, чтобы «схватить целое» – *душу*. При всем многообразии форм когитального Я, есть в них нечто, ощущаемое как общность их всех. Оно равным образом представлено в каждой, и вместе с тем, не тождественно ни одной. Это – «чистое Я».

Оно выступает (ощущается) в процессе *отрицания* каких-либо ощущений, а если учесть, что отрицание есть чувственный акт, то такое Я заключает в себе также само *ощущение* отрицания.

Чистое Я не есть просто часть, но является особой *стороной* когитального Я в его становлении Я-именем; интроспективно оно выступает в процедурах растождествления:

«У меня *есть* тело, но я – *это не* мое тело. Мое тело может быть больным или здоровым, усталым или бодрым, но это не влияет на меня, на мое истинное “Я”»...

У меня *есть* эмоции, но я – *это не* мои эмоции. Мои эмоции многочисленны, изменчивы, противоречивы. Однако я всегда остаюсь собой, *своим «Я»*, радуюсь или горюю, спокоен или взволнован, надеюсь на что-то или отчаиваюсь. Поскольку я могу наблюдать, понимать и оценивать свои эмоции и, более того, управлять ими, использовать их, то очевидно, что они не есть *мое «Я»*...

У меня *есть* интеллект, но я – *это не* мой интеллект. Он достаточно развит и активен. Он является инструментом для познания окружающего и моего внутреннего мира, но я – *это не* мой интеллект.

Я – Центр чистого самосознания.

Я – Центр Воли, способны владеть и управлять моим интеллектом, эмоциями, физическим телом и всеми моими психическими процессами.

Я – это постоянное и неизменное “Я”.» [12, с.145–147].

И здесь, в этом повествовании, мы приходим к итоговой форме Я, назовем её *Я-ноуменом*, превосходящей все остальные, владеющей ими, более высокой и вместе с тем

более глубокой, чем они*. Это *Я* в повествовании о нем и показе его; оно представлено цепочкой слов, последовательностью образов, оно прожито и пережито *вот только что*. И обо всем этом мы говорим “я”. И оно, таким образом, возвращается к исходной форме *Я*, ранее названной *Я-номеном*, – семиотическому контуру, объединяющему «я-маркеры», – внутренние имена *Я*, в которых, как и прежде, нет «ничего личного». Но что-то всё-таки есть. Что же?

Есть личное местоимение первого лица, замещающее и определяющее собой все прочие и смежные имена.

Итак, отталкиваясь от *Я*-номена, мы возвращаемся к нему же в автопоэзисе *Я*-номена.

Знаковые аномалии
в понимании *Я*
и их последствия

Ошибка порочного круга в логическом определении *Я*, а также выпадение или нарушение тех или иных звеньев круга ноуменального *Я* позволяет интерпретировать акцентуации, дезадаптации, защитные механизмы, измененные состояния сознания личности. Перед нами последствия того, что можно было бы назвать знаковыми аномалиями в понимании *Я* (ведь вербальные и невербальные обозначения *Я* суть знаковые образования, опосредующие поведение индивидуума, и следовательно «не нейтральные» с точки зрения вкладов в его функционирование и развитие. Среди последствий знаковых аномалий назовем лишь некоторые: бездействие, уход в дурную бесконечность «самоиска» (авторское изобретение поэта Андрея Вознесенского – палиндром «аксиома самоиска»; этот удивительный перевертыш соответствует наивному убеждению людей в том, будто можно когда-нибудь «доискаться» до своих истоков в воронке саморефлексии), защитные механизмы проекции, интроекции и ретрофлексии (нарушения в системе *Я*-номена), регрессии к фрейдовскому «океаническому» *Я* («остановка» развития на ступени «экзистенциального *Я*»); избыточное самодистанцирование при утрате «*Я*-чувства» и смежные расстройства (при нарушениях в системе феноменального *Я*); измененные состояния сознания при нарушении *Я*-когито.

2. Круг *causa sui* как психологический феномен

Область
персонологии *Я*

Говоря об автопоэзисе *Я* в опыте логического определения *Я*, мы можем обратиться к психологическим исследованиям в области персонологии *Я* [6], [13]. В этом случае,

* Более полное рассмотрение *Я*-номена потребовало бы от нас реализации персонологического подхода, сочетающего в себе теоретико-экспериментальные, герменевтические и практико-ориентированные разработки в области психологии личности [13].

Феномен
неделимости Я
в рефлексии

возможно, нам удастся не только понять, но и *прочувствовать* идею *causa sui*, – испытать ее, так сказать, «на себе», пройдя путь участия в реальных и мысленных экспериментах, посвященных самопричинности Я.

Речь здесь идет о естественной слитности (непрерывности, преемственности, континуальности) состояний Я. Континуальность совпадения «Я» с собой – норма его существования, непрерывность переходов «между» образующими его состояниями переживается как нечто вполне естественное, присущее самой природе Я. Но стоит только попытаться «расщепить» «Я» на две части – «Я здесь и теперь» и «Я там и тогда», и мы сразу ощутим противоестественность такой попытки.

Сама жизнь подсказывает нам сюжеты эксперимента. Вначале обратим внимание на то, что, говоря вслух какие-либо слова, мы еще некоторое время переживаем их присутствие в сознании; есть как бы эхо прозвучавшего слова, которое неслышимо другим людям, произнесенной нами фразы. Этот повтор неизменно сопровождает наши высказывания и мы настолько привыкли к нему, что почти не замечаем его (одно из исключений – случаи, когда, положим, мы отважились сказать что-то группе людей, но услышав нас, аудитория впадает в молчание, и нам начинает казаться, будто сказанные слова повисли в воздухе). Впрочем, приведенная аналогия с «эхо» должна быть существенно уточнена. Ведь внутренний отголосок сказанного вначале некоторое время все еще слит с высказыванием, постепенно отделяется от него, стекая в прошлое. Это похоже на то, как акварельная краска, вначале следуя за кистью художника, тут же плывет вниз по листу на мольберте. Произносимое слово и скрытое памятование слова образуют плавный переход одного в другое; внутреннее «эхо» представляет собой непрерывный каскад отзвуков, в котором совершается «уток пережитого»*.

Но теперь мы изменим условия наблюдения. Мы будем говорить, а тут же сделанная запись нашей речи с

* ...И тогда узнаешь вдруг,
Как звучит родное слово.
Ведь оно не смысл и звук,
А уток пережитого,
Колыбельная основа
Наших радостей и мук.

Стихи Давида Самойлова [14. с. 178] были посвящены учителю литературы, поэту, правозащитнику Анатолию Александровичу Якобсону. Я имел счастье учиться у него в конце 60-х во 2-ой физмат-школе в Москве.

небольшой отсрочкой будет подаваться нам в наушник (так бывает, когда не совсем исправна мобильная связь). Люди, говорящие в микрофон перед большим залом, иногда слышат такие же отзвуки-эхо на отдалении от себя. Прислушаемся не только к этому эхо, но и к своим ощущениям по поводу происходящего. Каждый, кто имел такой опыт, по-видимому, согласится, что даже малая отсрочка в повторе рождает чувство дискомфорта, как бы свидетельствующее: «Зачем мне дублер! К чему здесь этот двойник?!»

Подчеркиваем: наше Я – неделимо! Нет смысла делить его на равные или неравные части. Оно всегда слито с собой, всегда существует как тождество образующих его *со-стояний*.

Феномен
спонтанности
самораскрытия

В чем заключается этот феномен? Он состоит в том, что человек неожиданно открывает для себя важную истину: «Я иду по своим стопам», «Я следую за собой», «Я исхожу из себя самого». О том же поэтическая строчка Поля Верлена: «Я шел, печаль свою сопровождая». Напомним: Я заключает в себе момент *самодействия*, «я *созидаю себя сам*»; возможность ощущения своей самости в действии и ощущение этой возможности в Я неотличимы.

Эксперимент

Присмотримся.

Всем известная забавная сценка – собака, пытающаяся поймать себя за собственный хвост – подсказывает нам модель эксперимента, показывающего, как люди, идущие «след в след» за собой, в отличие от «братьев наших меньших», неожиданно замечают это.

Реквизиты эксперимента: компьютер, мышшь; затемненный экран монитора («ширма»); в ширме – круговое окошечко; управляя мышью, можно перемещать окошечко ширмы; двигая окошечко, можно увидеть в нем фрагмент линии, скрытой за ширмой (обычно – это кривая).

Инструкция
испытуемому

«Перемещая окошечко, попробуйте «поймать» линию – она находится за ширмой. Следуйте за линией, удерживайте ее в поле зрения. Пусть она всё время будет в окошечке. Ошибкой считается потеря линии из виду. Работа требует аккуратности, но не забывайте о времени. Лучше, если Вы будете работать быстрее».

Как видим, инструкция не обязывает человека работать быстрее, но и не позволяет ему надолго застревать на месте. Чем *уже* окошечко и выше темп, тем труднее задача.

Читатель, безусловно, заметил, что в этой инструкции ничего не говорится о *форме* кривой, и тем более о

том, что испытуемым надлежит *догадаться*, как выглядит в целом скрытая под ширмой кривая. Инициатива постановки такой задачи – всецело за испытуемым.

Главное, о чем не знают участники эксперимента: им заранее неизвестно, что кривую под ширмой рисуют они сами. Каждое перемещение мыши фиксируется на экране под ширмой на некотором (всегда одинаковом) расстоянии от окошечка. Пока испытуемый «ловит» линию, она буквально рождается у него под рукой – где-то в районе запястья (или чуть ближе к ладони, держащей мышью).

Поймут ли участники эксперимента, что они сами производят то, что потом направляет их действие? Такое открытие – если оно происходит (а это так!) – свидетельство спонтанности самопереживания: *живое движение* руки образует *возможность* ощущения себя как самости, а совершаемое человеком спонтанное открытие «*я следую за своим движением*» – есть собственно ощущение себя, момент самораскрытия *Я как такового*.

«Не думай о...»

Испытуемым предлагается «ни о чем не думать». При всей, казалось бы, невыполнимости этой задачи, у многих, как им представляется, *получается* (!). Выявляется два слоя активности: нерелексируемая мысль и мысль, обнаруживаемая («я мыслю, что мыслю»). Спонтанность «я мыслю, что мыслю» – неодолима. Правда, это зависит от особенностей темперамента испытуемых, экстраверсии-интроверсии, эмоциональной стабильности, а также их возраста. Феномен *неизбежности cogito* мы отмечали, начиная с юношеского возраста.

Ощущение
самоданности
(феномен двойного
присутствия)

О том, что «Я» есть *содержимое* объемлющей его формы и, вместе с тем, равная ему и заключающая его в себе *форма*, – об этом, конечно, мы можем узнать формальным путем, выводя сказанное из идеи «Я» как со-ощущения *всех* ощущений сущего, сопричастных друг другу. Действительно, если рассуждать чисто логически (приготовьтесь пройти кругами известного парадокса множества всех множеств!), «Я» является частью себя, ведь это соощущение *всех* ощущений и следовательно принадлежит себе как одно из своих ощущений. С другой стороны, будучи со-ощущением, «Я» объемлет себя, как целое, обнимающее свою часть; оно образует форму по отношению к себе как своему собственному наполнению. Но ведь нас интересует большее, чем формальные следствия принятых определений. Мы хотим *непосредственно* пережить самоданность «Я». Для этого необходимо создать условия, в которых «принадлежность себя себе» (= «несение себя в себе») есть факт

сознания. Непосредственны, однако, только конкретные ощущения (и соответственно соощущения); поэтому в эмпирическом плане мы имеем дело только с фрагментами «соощущения всех ощущений»; ощущение самоданности может быть схвачено нами (если, конечно, это удастся проделать) не в своей тотальности, а в некоторых частных формах. Таких, например, как «телесное (физическое) Я», «внутренний наблюдатель», «субъект активности» и др. Кроме того, говоря о феномене самоданности, мы будем иметь в виду человеческого индивида, а не сущее *вообще* (применительно к любому сущему, мы не можем ставить перед собой этой задачи, так как анализ феномена «сознавания себя» теряет для нас какой-либо смысл применительно к существам иной природы, чем человек).

Парадокс двойного присутствия

И здесь уже приходится на чувственном уровне иметь дело с парадоксом «двойного присутствия», – так мы его назовём. Суть парадокса – в том, что индивид смотрит на себя извне, находясь при этом внутри себя (внутреннее здесь существует как внешнее); и столь же он видит себя изнутри в качестве смотрящего на себя извне (внешнее существует как внутреннее). А.М.Пятигорский по этому поводу писал, что чувственность может рассматриваться как «нечто», что наблюдается и наблюдает (ссылаюсь в этом пункте на статью В.П. Зинченко «Опыт думания о думании», где он соотносил идеи А.М. Пятигорского с собственными исследованиями «живого движения»).

Эта парадоксальность, присущая самоданности, смущает ум человека, и заключает в себе проблему. Как примириться с мыслью, что, находясь внутри, можно быть еще и снаружи того, в чем находишься?! Это положение вещей, озадачивающее нас, имеет место в *переживаниях* человека*. Наша задача – воссоздать в условиях реальных и мысленных экспериментов те обстоятельства, в которых человек именно переживает, чуть ли не «физически» ощущает, свое присутствие в двух мирах: внутри себя и снаружи – *по сю* сторону и *по ту* себя самого.

* Здравому смыслу вообще невдомек, как возможно многое из того, что есть в наших переживаниях. «Где», например, существуют «фигуры невозможного» Эшера и Рудесварда? Общий ответ, который мы предлагаем, заключается в том, что это пространство переживаний (не образов и не мыслей, а именно переживаний как таковых, чувственной ткани образов и мыслей, ускользающей от каких-либо попыток «опредмечивания»). Именно здесь парадоксальное (в том числе, комическое, «диалектически-противоречивое», иррациональное, сказочное, мистическое) чувствует себя как дома (Гегель бы, возможно, сказал: «у себя»).

Ощущение
собственной
самости у детей

Основу парадокса «двойного присутствия» образует, как мы полагаем, еще более парадоксальное положение дел, характеризующее особенности ощущения собственной самости у детей.

«Я существую в глазах взрослого». В отличие от взрослых, которые видят себя *глазами* другого, ребенок, на ранних этапах развития, видит себя *в глазах* другого. Закрывая и открывая глаза в присутствии взрослых, трехлетний ребенок говорит о себе вслух: «Саши – нету, Саша – есть, Саши – нету, Саша – есть»... Пока ребенок видит, что его видят, он ощущает себя существующим*.

Присутствие
в глазах другого

Следы «присутствия в глазах другого» у взрослых. Подойдем к зеркалу с двух сторон. Убедимся в том, что мы не видим себя в зеркале. Но встанем так, чтобы видеть друг друга (это очень легко).

Теперь будем смотреть в зеркало так, чтобы видеть глаза другого, смотрящего нам в глаза. Если теперь каждый мысленно спросит себя, видит ли он себя в зеркале, то первый ответ будет: «Да, вижу!», и только потом, спустя мгновение, взрослый человек, скажет «нет, не вижу!». Таковы следы детского самовосприятия: «Меня видят, и я это вижу; следовательно, я вижу себя!»

В той же ситуации, мы можем предложить испытуемому поделиться первым впечатлением о том, что по его мнению чувствует другой человек: видит ли он себя в зеркале? – Мгновенное ощущение: «Да, видит!» Ему *кажется*, будто другие люди видят себя, «встречаясь» с ним глаза в глаза.

Восприятие себя
в зеркале взрослым
человеком

В процессе развития человека ощущение «я существую в глазах другого» замещается ощущением «я существую в своих собственных глазах»; позиция «другого», смотрящего со стороны, как говорят, интериоризируется, становится взглядом субъекта на себя самого. Появляется чувство присутствия себя внутри себя же, смотрящего со стороны. Рождается то, что характеризует Я как содержащееся в себе и содержащее себя.

«Поймать» феномен
«я как содержащееся
в себе и содержащее
себя»

Чтобы «поймать» этот феномен, нам не понадобятся какие-либо специальные аксессуары. Взрослому чело-

* Для ребенка «существовать» значит «быть видимым» (понятное дело, пятилетние дети уже знакомы с трудами епископа Беркли!). Ребенку в возрасте до 5 лет я предлагал смотреть на себя в зеркало, вначале открытыми глазами, потом поочередно – левым и правым (закрывая то один, то другой), и наконец, закрыв оба глаза. Каждый раз, спрашивал: «Ты в зеркале есть?» В первых двух случаях ребенок отвечал, разумеется, утвердительно (иначе и быть не могло – ведь он себя видел). Зато в третьем случае ребенок уверенно говорил, что его в зеркале нет.

веку достаточно просто подойти к зеркалу, увидеть свое отражение и «пообщаться» с ним «с глазу на глаз». В этом случае, вполне непосредственно, можно почувствовать: «Это я нахожусь *перед собой*»; «я – и внутри, и – снаружи».

Более того, смотрясь в зеркало, взрослый человек способен легко варьировать место своего ощущаемого присутствия между полюсами – по *сю* сторону зеркала (взгляд *отсюда*, я нахожусь *перед* зеркалом) и – по *ту* сторону зеркала (взгляд *оттуда*, я нахожусь *в* зеркале). Он может спросить себя: «Кто видит?» Первый ответ – я, *находящийся в зеркале*, вижу себя, *смотрящего из зеркала*; *субъект* и *объект* созерцания находятся в зеркале (по *ту* сторону зеркала). Второй ответ – я, *смотрящий из зеркала*, вижу себя, *смотрящего в зеркало* (и при этом находящегося по *сю* сторону зеркала)*.

Феномен активной неадаптивности: продолженность в себе «несмотря ни на что»

Феномен активной неадаптивности заключается в контроле над будущим состоянием Я. Вся наша повседневная жизнь, в некотором смысле, подчиняется известной формуле: «Шел в комнату – попал в другую». При этом может теряться ощущение субъектности, контроля нашего Я над собой в своих начинаниях. Как вернуть

* В логическом плане этот феномен может быть осмыслен с опорой на идею переживаемой транзитивности отношения «данности». Введем символ, выражающий смысл таких слов, как «быть данным кому-то», «быть видимым кем-то», «быть объектом мысли (чьей-то)», «пребывать в сознании (у кого-то)», «являться (кому-то)» и т.п. Удобно при этом воспользоваться значком « \Rightarrow », символизирующим общий смысл всего перечисленного – существовать (присутствовать) в ком-то и для кого-то...». Этот значок напоминает нам о математических символах принадлежности « \in » и включения « \supset », но за счет вмонтированной в него стрелочки указывает на активность, устремленную в сторону объекта. Выражение « $A \Rightarrow B$ », говорит о том, что В присутствует в А с точки зрения А, или, кратко, «В дано А».

Принимаем, как допущение, что отношение данности является транзитивным, т.е., иными словами, считаем, что из $A \Rightarrow B$ и $B \Rightarrow C$ следует $A \Rightarrow C$ (если В дано А и при этом С дано В, то С дано А). Используя это допущение, мы будем говорить о правиле транзитивности отношения данности.

Правило транзитивности отношения «данности» может быть распространено на взаимоотношение Я с самим собой. Для этого нам потребуется, в качестве посредника, другой индивидуум (Другой, Ты). Имеем:

$$((Я \Rightarrow Другой) \text{ и } (Другой \Rightarrow Я)) \rightarrow (Я \Rightarrow Я)$$

Это значит: если Я воспринимаю Другого (он дан мне) и Другой воспринимает Меня (Я дан Другому), то Я воспринимаю себя (Я дан себе самому). Словом, мое в-себе-и-для-себя-бытие есть следствие бытия другого индивидуума для-меня-и-во-мне. Я – причина себя через мое бытие для другого (который дан мне).

это ощущение субъектности («Я сам опираюсь на себя и получаю то, что ожидаю»)? Не в том ли состоит решение этой проблемы, чтобы намеренно ставить перед собой цели, результат достижения которых предрешить нельзя? Ведь невозможно промахнуться мимо того, что выбирается как возможность промаха. Так, например, мы бескорыстно рискуем. Не «за мзду», а чтобы предрешить непредрешенное. В этом случае мы ощущаем само присутствие себя. Мы выбираем и проживаем ситуации, в которых от нас зависит не все, и тем самым мы испытываем себя на прочность. Наше Я, таким образом, «продолжает себя в себе» – вопреки всему и несмотря ни на что. В этом случае мы говорим: «Человек поднимается над ситуацией».

1. Я. Философская энциклопедия. [Электронный ресурс]. – URL: <http://iph.ras.ru/elib/3606.html> (дата обращения: 12.10.2012).

2. Карнов А.В. Рефлексивная детерминация ситуацией. – М., 2010.

3. Автопоэзис. Википедия. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/81> (дата обращения: 15.12.2012).

4. Дейксисы. Энциклопедия Кругосвет: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.krugosvet.ru/> (дата обращения: 16.12.2012)

5. Петровский В.А. Существует ли Я – субъект познания, воли, переживаний? // Методология и история психологии. – М., 2010. – Т. 5. – вып.1. – С. 136–148.

6. Петровский В.А. Начала персонологии «Я»: существует ли ее предмет? // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию В.П. Зинченко. / под общ. ред. Т.Г. Щедриной). – М., 2011. – С. 200–215.

7. Петровский В.А. «Я» в мысли и «Я» наяву // Развитие личности. – 2011. – №3. – С. 62–93.

8. Петровский В.А. Мыслью? – Да! Но существую ли? // Культурно-историческая психология. – 2011. – №3. – С.12–26.

9. Петровский В.А. Я в мысли и Я наяву: как возможно существование Я? // Проблема «Я»: философские традиции и современность. Под ред. В.Н. Поруса. – М., 2012. – С. 195–222.

10. Петровский В.А. Человек над ситуацией. – М., 2010.

11. *Петровский В.А.* Философия “Я”: трансактный подход (послесловие) // Э. Берн. Групповая психотерапия. – М., 2001. – С. 421–456.
12. *Ассаджиоли Р.* Психосинтез. – М., 2008.
13. *Петровский В.А., Старовойтенко Е.Б.* Наука личности: четыре проекта общей персонологии // Психология. Журнал высшей школы экономики. – 2012. – Т.9. – №1. – С. 21–39.
14. *Самойлов Д.* Избранные произведения. – М., 1990. – Т.1. – С. 178.